

«Природа — это увлекательнейшая книга. Только начни читать её — и не оторвёшься», — говорил знаменитый писатель-натуралист Николай Сладков. И с этим трудно спорить!

Николай Иванович Сладков (1920–1996) родился в Москве, но в шесть лет переехал с родителями в Ленинградскую область, в город Пушкин. Он очень любил гулять по скверам и паркам, рощам и лесам Царского Села. Детское любопытство заставляло будущего писателя обращать внимание на то, чего не замечали другие, — гнездо птицы со скорлупками от яиц или отпечатки звериных лапок на земле. Свои наблюдения он записывал в дневник.

В школе Николай Сладков вступил в «Клуб Колумбов» — кружок юных натуралистов при Зоологическом институте. На встречи с ребятами приходили делиться знаниями известные зоологи. «Колумбы» часто ходили в увлекательные походы. Зверей и птиц изучали в их естественной среде, а заодно учились бережно к ним относиться. Здесь же юннат Сладков познакомился с Виталием Валентиновичем Бианки, с которым впоследствии много лет дружил и сотрудничал. Именно Н. Сладкова Виталий Бианки считал своим преемником в литературе. Но несмотря на то что оба писали сказки и рассказы о природе для детей, каждый это делал по-своему.

Николай Сладков, в отличие от собрата по перу, не играет с читателями в загадки. Наоборот, он с радостью раскрывает перед нами тайны природы и учит видеть тесные переплетения окружающего мира, где всё связано со всем. «В природе та же гармония, что и в музыке, выкинь ноту и мелодия нарушится...», — говорил писатель. Он много путешествовал: побывал в Африке и Индии, видел пустыни Туркмении, степи Казахстана, горы Ирана и Кавказа. Из поездок он привозил километры фотоплёнки, исписанные тетрадки и новые яркие впечатления, которые потом отражались в его рассказах и сказках.

Николая Сладкова можно назвать настоящим защитником природы. Он одним из первых заговорил о надвигающихся экологических проблемах и много писал об охране исчезающих видов. Напоминал о том, что человек — часть природы, и призывал заботиться об окружающем мире.

Всего Н. Сладков написал более шестидесяти книг. В наш сборник вошли самые лучшие сказки писателя о жизни леса и его обитателей.

ЧЬЯ ПРОТАЛИНА?

Увидела Сорока первую проталину — тёмное пятнышко на белом снегу.

— Моя! — крикнула. — Моя проталина, раз я первая её увидела!

На проталине семена, жучки-паучки копошатся, бабочка-лимонница лежит на боку — отогревается. У Сороки глаза разбежались, уж и клюв разинула, да откуда ни возьмись — Грач.

— Здр-расте, уже явилась! Зимой по вороньим помойкам шастала, а теперь на мою проталину! Не красиво!

— Это почему же она твоя? — застрекотала Сорока. — Я первая увидела!

— Ты увидела, — гаркнул Грач, — а я о ней всю зиму мечтал. За тыщу верст к ней торопился! Ради

неё тёплые страны покинул. Без неё и меня бы тут не было. Где проталины, там и мы, грачи. Моя проталина!

— Что он тут каркает! — затарахтела Сорока. — Всю зиму на юге грелся-нежился, ел-пил что хотел, а вернулся — проталину ему без очереди подавай! А я всю зиму мёрзла, с помойки на свалку металась, вместо воды снег глотала и вот, чуть живая, слабая, высмотрела наконец проталину, так и ту отнимают. Ты, Грач, только на вид тёмный, а сам себе на уме. Кыш с проталины, пока в темя не клюнула!

Прилетел на шум Жаворонок, огляделся, прислушался и защебетал:

— Весна, солнце, небо ясное, а вы ссоритесь. И где — на моей проталине! Не омрачайте мне радость встречи с ней. Я жажду песен!

Сорока и Грач только крыльями всплеснули.

— Почему же она твоя? Наша это проталина, мы нашли. Сорока всю зиму её ждала, все глаза проглядела. А я, может, так торопился с юга к ней, что чуть крылья в пути не вывихнул.

— А я родился на ней! — пискнул Жаворонок. — Если поискать, так тут ещё и скорлупки от яичка, из которого я вылупился, можно найти! Вспомню, бывало, зимой на чужбине гнездо родное — и петь неохота. А сейчас песня так и рвётся из клюва — даже язык дрожит.

Вспрыгнул Жаворонок на кочку, глаза прижмурил, горлышко у него задрожало — и полилась песня как весенний ручеёк: зазвенела, забулькала, зажурчала.

Сорока и Грач клювы разинули — заслушались. Им-то никогда так не спеть, горло у них не то, только и могут, что стрекотать и каркать.

Долго бы, наверное, слушали, разомлев на вешнем солнышке, да дрогнула вдруг под ногами земля, вспучилась бугорком и рассыпалась.

И выглянул Крот — зашмыгал носом.

— Никак прямо в проталину угодил? Так и есть: земля мягкая, тёплая, снега нет. И пахнет... Уф! Весной, что ли ча, пахнет? Весна, что ли ча, у вас наверху?

— Весна, весна, землерой! — сварливо закричала Сорока.

— Знал, куда угодить! — подозрительно буркнул Грач. — Хоть и слепой...

— Тебе-то зачем наша проталина? — проскрипел Жаворонок.

Крот принюхался к Грачу, к Сороке, к Жаворонку — глазами-то он худо видит! — чихнул и говорит:

— Ничего мне от вас не надо. И проталина ваша мне не нужна. Вот землю вытолкну из норы и назад. Потому что чую: погано у вас. Ссоритесь, чуть не дерётесь. Да ещё и светло, сухо, воздух свежий. Не то что у меня в подземелье: темно, сыро, затхло. Благодать! Ещё и весна у вас тут какая-то...

— Как ты можешь так говорить? — ужаснулся Жаворонок. — Да знаешь ли ты, землерой, что такое весна!

— Не знаю и знать не хочу! — фыркнул Крот. — Не нужна мне никакая весна, у меня под землёй круглый год одинаково.

— Весной проталины появляются, — мечтательно сказали Сорока, Жаворонок и Грач.

— А на проталинах скандалы начинаются, — снова фыркнул Крот. — А ради чего? Проталина как проталина.

— Не скажи! — подскочила Сорока. — А семена? А жуки? А ростки зелёные? Всю зиму без витаминов.

— Посидеть, походить, размяться! — гаркнул Грач. — Носом в тёплой земле порыться!

— А петь-то как над проталинами хорошо! — взвился Жаворонок. — Сколько в поле проталин — столько и жаворонков. И все поют! Нет весной ничего лучше проталины.

— А чего тогда спорите? — не понял Крот. — Жаворонок хочет петь — пусть поёт. Грач хочет маршировать — пусть марширует.

— Правильно! — сказала Сорока. — А я пока семенами и жуками займусь...

Тут снова начались крики и перебранка.

А пока кричали и ссорились, в поле новые проталины появились.

Разлетелись птицы по ним весну встречать. Песни петь, в тёплой земле порыться, червячка заморить.

— Пора и мне! — Крот сказал. И провалился туда, где ни весны, ни проталин, ни солнца и ни луны, ни ветра и ни дождя. И где даже спорить не с кем. Где всегда темно и тихо.

ДВОЕ НА ОДНОМ БРЕВНЕ

Вышла речка из берегов, разлилась вода морем. Застряли на островке Лисица и Заяц. Мечется Заяц по островку, приговаривает:

— Впереди вода, позади Лиса — вот положение.

А Лиса Заяцу кричит:

— Сигай, Заяц, ко мне на бревно — не тонуть же тебе!

Островок под воду уходит. Прыгнул Заяц к Лисе на бревно — поплыли вдвоём по реке.

